

На правах рукописи

Синохина Ирина Викторовна

**Творчество Н. И. Колоколова
(своеобразие художественного мира
писателя)**

Специальность 10.01.01 - русская литература

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Иваново 2002

Работа выполнена в Ивановском государственном университете

Научный руководитель -
доктор филологических наук Таганов Л.Н.

Официальные оппоненты:
доктор филологических наук Розанова Л.А.
кандидат филологических наук Майорова Т.А.

Ведущая организация -
Костромской государственный университет
имени Н.А.Некрасова

Защита диссертации состоится «13» июня 2002 года
в часов на заседании диссертационного совета
Д 212. 062. 04

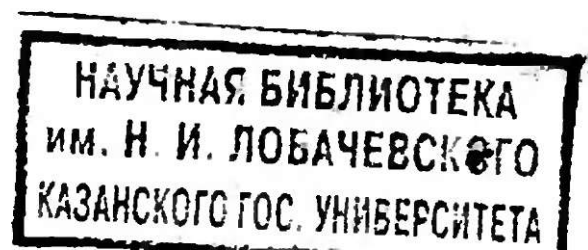
Ивановского государственного университета по адресу:
153025, г. Иваново, ул. Ермака, 39, ауд. 459.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке университета.

Автореферат разослан «13» мая 2002 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Тюленева Е.М.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Произведения Н. И. Колоколова не переиздавались после 1933 г. Несмотря на неоднократные попытки коллег по перу сделать это, рукописи бесследно исчезали в недрах издательств, а в 1943 г. кем-то унесены из квартиры, оставленной вдовой писателя на время эвакуации из Москвы. В 1968 г. Ю. Нагибин в «Книжном обозрении» напечатал рассказ «Затейный старик». С этого началось возвращение творчества Н. И. Колоколова в литературу.

Настоящая работа является первой попыткой прочтения художественных текстов Н. Колоколова, изданных в 1915-1933 гг., осмысления творческого пути и сбора биографических фактов, постижения внутренней эволюции художника слова.

Поскольку позиция этого литератора в обстановке 20-х гг. была активной и принципиально-последовательной, изучение сохранившихся архивных материалов, связанных с его творчеством, позволяет дополнить и углубить представление о картине литературной жизни начала XX в., о художнической рефлексии на модные в то время тенденции в поэзии, прозе и критике и способах индивидуального противостояния им. Этим объясняется историко-литературный аспект актуальной темы, разработка которой назрела ввиду личных и творческих контактов Н. Колоколова с С. Есениным, А. Горьким, Д. Семеновским, Е. Вихревым, И. Катаевым, Н. Зарудиным, Б. Пильняком, Б. Пастернаком и широким кругом литераторов столицы, Ивано-во-Вознесенского и Владимирского края.

Внимание современной науки к проблемам художественного сознания писателя, трансформация мифологем-

ных архетипов в его творчестве, полисемантика слова тоже делает актуальным такой аспект исследования.

Цели и задачи работы. Основная цель заключается в том, чтобы с помощью конкретного анализа поэтических и прозаических текстов «изнутри» раскрыть эстетическую неоднородность, многообразие творческих индивидуальностей русской литературы 20-х гг. как в провинции, так и в столице, проявившуюся в художественном сознании Н. Колоколова. Этой целью определяются задачи:

- а) понять с помощью текстовых наблюдений природу художественного сознания, логику творческой эволюции литератора;
- б) систематизировать собранные источники сведений о писателе и его творчестве;
- в) выявить факторы, определившие выбор творческого поведения и позицию в литературном процессе 20-х гг.;
- г) соотнести поэзию Н. Колоколова с тенденциями в пролетарской культуре и в поэзии, близкой новокрестьянской эстетике;
- д) сопоставить с трансформацией мифологемных мотивов и образов в прозе других писателей в 20-е гг.;
- е) выявить личные и творческие контакты с А. М. Горьким.

Это позволит определить место творчества Н. Колоколова в историко-литературном процессе XX в.; восстановить и систематизировать архивные материалы, уточнить и дополнить новыми фактами биографические сведения и библиографический список, составленный Корчагиной З.Н.; в опубликованных текстах выявить расхождения редакций стихов и книги «Мед и кровь», включив в круг источников исследования документы эпохи (рукописный журнал «Пустослов», дневники А. Ноздрина и Е. Вихрева, письма Н. Колоколова и современников о нем, автографы его автобиографии и библиографии произведений, опубликованных в

1912-1922 гг., рецензии на сборники рассказов и повестей Н. Колоколова, написанные для внутреннего редакционного отзыва).

Все это позволяет восстановить причины внезапного ухода из литературной жизни человека, полного творческих сил и планов, мастерски владевшего художественным словом, со своим ощущением добра и зла и стилевой манерой их воплощения.

В работе рассмотрены индивидуальные способы освоения фольклорно-мифологического материала представителем поколения, молодость которого совпала с революционной эпохой.

Выявлены доминанты художественного мышления Н. Колоколова в разные периоды его творческой жизни. Установлены созвучия, переклички и отголоски его мотивов и образов с произведениями предшественников, современников и литераторов 50-80-х гг.

Вводимые в научный оборот источники позволяют установить канонический текст «Мед и кровь», прояснить его концептуальное ядро до искажения купюрами при подготовке книжного варианта. Выявляется подтекстовый пласт произведения, помещенного в контекст журнального листа рядом с другими материалами.

Привлечение документов, связанных с жизнью и творчеством Н. Колоколова, помогает воссоздать психологию творчества в обстановке 20 - начала 30-х гг.; открыть новые грани в личности и творчестве А.М. Горького, проявившиеся в отношениях с более молодым оппонентом; определить место писателя в художественных исканиях его времени и последующей литературе советского периода.

Хронологические рамки исследуемого материала ограничены 1914-1933 гг. Преимущественное внимание уделено поэзии 1915-1928 гг. и прозе 1922-1933 гг., поскольку

источниковедческие разыскания текстов, связанных с ранним периодом творчества еще предстоят. Мы же опираемся на материалы, найденные в ИМЛИ, РГАЛИ, ГАИО, ГАЯО, музее ИВГУ, относящиеся к годам наиболее плодотворным и одновременно кризисным как в творчестве отдельного художника, так и всей литературной эпохи, которую он представляет.

Сохранившееся к началу ХХІ века в разрозненном состоянии наследие одного из своеобразных литераторов ХХ века, которому не повезло в исследовательском плане, можно разделить на несколько периодов.

С 1915 по 1918 гг. формируется в общих чертах поэтическая утопия, своеобразный «ответ» на «вызов», сделанный войной 1914г. и революцией 1917г.

В 1919-1922гг. идет поиск художественных способов осмысления сути постигаемых исторических перемен.

1923-1928гг. - период наиболее плодотворного творческого противостояния социально-политическому мифотворчеству, опустошающему национальную ментальность и губительному для родной земли.

1929-1933гг. – время попыток адаптироваться в условиях творческой несвободы и уход из непоэтической эпохи.

Научная новизна диссертации состоит в следующем:

- 1) привлечены первые издания поэтических и прозаических произведений Н. Колоколова в периодике и сборниках 20-х гг., ранее не являвшиеся предметом исследования;
- 2) прочтение художественных текстов с учетом мифопоэтических и мифологемных традиций позволяет внести коррективы в сложившиеся представления о творческой индивидуальности не только Н. Колоколова, но и А. Гастева, Д. Семеновского, С. Есенина, Б. Пильняка, Б. Пастер-

нака, А. Платонова, полнее осмыслить историко-литературную панораму 20-х гг. и литературы XX в.;

- 3) установлена синхронность творческих результатов в процессе искреннего постижения истины художниками как близких, так и оппозиционных эстетических взглядов.

Практическая значимость работы. Содержание диссертации может быть использовано при изучении спецкурса «История русской литературы XX века» (на материале Ивановского, Владимирского, Ярославского и Костромского края); при чтении общего курса по истории русской литературы XX века (часть 1); спецкурсов по поэзии 20-х гг.; на практических занятиях и в спецсеминаре по прозе 20-30 гг. XX века.

Материал использовался автором при чтении лекционных курсов в ИвГУ на филологическом факультете, журналистском отделении и в школьных классах гуманитарного профиля г. Иванова.

Общая методика исследования. Методологической базой работы явились теоретико-литературные труды общего характера, работы по специфике лирики, жанровой природы прозаических форм повествования (сказа, притчи, эпического рассказа, экзистенциальной повести); проблемам поэтики символа и мифологизма литературного процесса.

В решении конкретных задач диссертации автор опирается на современные научно обоснованные методики анализа поэтического текста, пользуется сравнительно-типологическим и системным методами изучения материала.

Апробация работы. Основные положения работы обсуждались на областных краеведческих конференциях в 1993, 1994, 1995 гг.; на научных конференциях ИвГУ в

1996, 1997, 1998 гг.; на международных конференциях «Потаенная литература» в 1999, 2000 гг.

По материалам исследования написано 9 дипломных работ студентами филологического факультета ИвГУ, подготовлены 2 радиопередачи студентами журналистского отделения. Совместно опубликовано 5 статей. Ряд основных положений отражен в 10 научных публикациях. 7 материалов, связанных с темой диссертации, помещены в Internet, 3 статьи сданы в печать.

Объем и структура работы. Диссертация состоит из основного корпуса «Творчество Н. И. Колоколова (своеобразие художественного мира писателя)» и Приложения «Материалы к «Летописи жизни и творчества Н. И. Колоколова (1897-1933)».

В основной текст диссертации включены Введение, две главы, Заключение, Список литературы. Общий объем исследования 168 стр., Приложения – 65 стр.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ.

Во Введении обосновывается правомерность постановки проблемы, ее актуальность, научная новизна и практическая значимость; определяются предмет и объект исследования; ставится цель, формулируются задачи; выявляется степень изученности темы, объясняются особенности подхода к исследуемому материалу и устанавливаются его хронологические рамки.

В 1 главе «Поэзия и проза 1915-1933 гг.», на текстах, сохранившихся в архиве, рассматривается тип литературного героя, его эволюция, характер отношения к миру, истоки лирической эмоции, питающей поэтику ранней лирики и после 1919 г.; традиции мифопоэтической и мифологемной символики, трансформированные в стихотворениях Н. Ко-

локолова («Силуэт». «Стаи зорь». «Двоестрочия». «Весеннее». «У тебя засасывал уют...». «Обещание». «Трехгорный ручей».).

Автограф текста поэмы «Четыре момента» (1919), никогда не публиковавшийся полностью, интерпретируется как способ освобождения автора от чувственно-гипнотического воздействия революционно-романтической риторики, искушающей сознание честолубцев соблазном нигилизма. Сквозь "жаркий восторженный бред" бездарного отрицания, спародированного автором, пробиваются глубоко колоколовские мотивы, открыто зазвучавшие в начале 20-х гг.: судьба детства и женственности в мире, где воинствующая мужественность оттаптывает ее на периферию жизни; способы обновления жизни, приводящие не к пустоте горького похмелья после «праздника на одной улице», а к особому состоянию мира, где каждый озарен любовью к «земным будням» своего удела плодородия; степень неадекватности отражения реальности человеческим сознанием; террор как явление психики, столь же вечное, как и сама история человечества.

Поэтический миф о празднике жизни на прекрасной земле, творимый Н. Колоколовым в сб. стихов «Земля и тело» (1923) и цикле «Плодородие» 1924-1928 гг., рассматривается на фоне тенденций в пролетарской и новокрестьянской поэзии. Неомифологизм Н. Колоколова - явление полигенетичное, соотносимое с опытом русской и мировой реалистической и, в особенности, романтической литературы. Ориентация его художественного сознания на древние мифологемные архетипы в создании новых текстов, составляющих его поэтический миф, имела свою философско-эстетическую и конкретно-историческую мотивацию.

Апелляция к общим мифологемным и мифопоэтическим традициям, выдержавшим испытания тысячелетиями,

ассоциировалась с возможностью реализации скрытых внутренних потенций мифа и выражающего мифологическое сознание фольклора.

Внимание Н. Колоколова к мифологизму было естественным по многим причинам; воспитание и образование в русле христианских традиций; круг интересов, выходящих за рамки литературных (увлечение мифологизмом этнографов, фольклористов, собиравших материалы для сборников Переславль-Залесского края).

Общая мысль о тесной связи между мифологическим и поэтическим творчеством, присутствовавшая в трудах А. Н. Веселовского и А. А. Потебни, воплотилась в творчестве Н. Колоколова в самых неблагоприятных для этого условиях. Образование, полученное на первых курсах университета А. Л. Шанявского, повлияло на художественное сознание, доминанты которого выявляются нами в диссертации.

Освоение мифоромантического материала в годы революции, возможно, вызвано в художественном сознании Н. Колоколова пробуждением чувства пути, ощущаемого как перспектива движения к реально-достижимым целям.

Стилизация, понимаемая как формальное подражание фольклорным приемам, используемым романтической поэтикой, связанной с социальными преобразованиями, обернулась пародией, с помощью которой автор ощутил опасность идеи бунта темной хаотичной основы, не желающей подчиняться высшим светлым духовным началам.

В поэме «Четыре момента» Н. Колоколов ощутил, что мужественность с ее побудительно-агрессивной волей к преобладанию, влечет к смерти и гибели как душу природного мира, так и душу отдельного человека, и собирательную душу нации.

Анализ поэтических и прозаических текстов проводится с учетом фольклорных и прозаических традиций, исследованных А. Н. Афанасьевым; О. Фрейденберг, И. П. Сахаровым, С. В. Максимовым, А. Ф. Лосевым, Е. М. Мелстинским, В. П. Рудневым, В. В. Библикиным и др. Сознательно какие-либо философские теории Н. Колоколова не использует. Это получается инстинктивно, поскольку его художественное мышление связано с философией времени конца XIX-начала XX в. Бесплодному отрицательному всеединству в его произведениях противопоставлено «положительное всеединство» В. Соловьева, подкрепленное знаковыми образами, роднящими ценностную ориентацию языческого с христианским мифом.

В поэтическом мифотворчестве Н. Колоколова восстановлена целостность мира: воссоединены земля и небо, человек и природа. Параллельно этому процессу в прозе идет художественное выражение интеллектуального сознания, метафорический способ осмысления экзистенциальных проблем: неадекватность самооценки объективному положению героя; расхождение теории с практикой действительности; не востребованность культуры в новых условиях деструктивного мира; опустошение души в результате разрыва кровных, профессиональных, социальных, духовных, природных связей; состояние всеобщей катастрофичности жизни, попираемой людьми, которым она перестала быть интересна и дорога (сборники рассказов и повестей «Полчас холода и тьмы» (1922), «Шкура ласковая» (1929), «Повелитель» (1931), «Веселые голоса» (1932)).

В сказовой и экзистенциальной формах Колоколов с разных ракурсов показывает восприятие и ощущение насилия, воцаряющегося над русской землей. Это прослежено в параграфе 2 «Двуплановость повествования в прозе Н. Ко-

локолова»: на материале рассказа «Последние Егоровы» (1933).

П глава «Книга «Мед и кровь» в историко-литературном контексте 20-х гг». состоит из трех разделов.

В параграфе 1 «Христианский подтекст в повествовании» террор и реакция на него выявлены на звуковом, цветовом, композиционном уровнях, через символику знаковой детали и функциональность изображаемого слова в пространственно-временной перспективе. В книге, написанной на родине террориста С. Нечаева, представлены симптоматика и точная диагностика революции, несущей террор. Историческая реальность предстает как театрализованное действо со сменой знаков, переодеваниями, переходами из-под одних знамен под другие. Под маской борьбы за свободу идет бесконечная игра симуляций охотников за властью, показанная на языке притчевого иносказания.

Смещению языка жизни с языком смерти писатель противопоставляет использованием многозначности мифопоэтической семантики слова, вытесняемого одномерно-политической риторикой. Это был один из способов возвращения к утраченной цельности и многогранности миропонимания: через сказовую форму, воспроизводящую устную речь персонажей, живущих «на обочине истории», не постигающих сознанием социальных перемен, которые не выдерживают проверки традиционной символикой, живущей в народной душе.

Обращение к эпической форме притчевого повествования не только воссоздает на языковом уровне утраченные связи, через бытовой и словесный слои, но и показывает простодушную реакцию различных типов массовой и провинциальной ментальностей на идеологию новой власти. Делается это под маской авторской иронии над «отстало-

стью» своих персонажей, еще не порвавших связей с мудростью земли-кормилицы.

Автоцензурой вызвано использование знаковых образов, роднящих ценностную ориентацию в мифах различных культурологических парадигм.

Использование мифопоэтического материала в годы социального переворота не было «стилизацией», формальным подражанием фольклорным приемам. Это был способ постижения национального мирочувствия, не созвучного государственной политике. В произведениях Н. Колоколова заговорили равноправные голоса немотствующей народной души: и представителей жизненной позиции в русле традиционных догматов, и тех кто на путях обновления не обременял себя юридическим и нравственным законопослушанием.

Через «миф» литератор обращался к светлым качествам национальной души, апеллируя к генетической памяти современников.

Н. И. Колоколова интересуют процессы расчеловечивания, опустошения в результате насаждаемого культа ненависти. Антитеза меда и крови, заявленная в названии, структурирует все повествование. В художественном мире Н. Колоколова они разведены именно потому, что эти обозначения бытовых реалий кроме прямого таят в себе некий символический смысл. Мед - продукт живой природы, целебный для тела (и для души), знаменует собой бескровную победу над внутренним врагом - недугом. В библейском контексте это атрибут земли обетованной, метафора Слова Божьего. Съеденное, принятое внутрь сердца, оно имеет сладость меда, просветляет душу и даст жизнь.

Сюжет повести, конфликт между героями - антагонистами, "говорящие" имена знаменуют собой оппозицию бинарной ситуации меда и крови. Аллегорические фигуры и

метафоризированные понятия учения Платона о городе - государстве, подобном пчелиному улью, спроецированы на российскую историческую ситуацию 1914-1918гг. У Н. Колоколова те же, что и у Платона, столпы государственности: лекарь, законник (нотариус), мудрец-пчеловод. Так же представлены социальные слои: стражники, мастеровые и ремесленники, уездный народ, витальная энергия которого нуждается в духовном пастыре. Близки платоновской трактовке понятия добродетели и порока, света истинного и ложного, покоя как промежуточного состояния между страданием и вожделением. Гербом городка стала "яблонная ветвь с вечной работницей божьей любимицей" - пчелой. Есть и "летающие трутни", которые искушают местных тружеников честолюбивыми или корыстными соблазнами, внося раздор в веками отлаженный быт "благословенного края, природой и богом оберегаемого от всяческих потрясений".

В художественном мире произведения ощутимы три "временных уровня", в пределах которых развивается повествование. Отчетливо просматривается время "вечное", библейское, с первых строк измеряющееся своими ритмами и вехами-ориентирами. Все события в настоящем и будущем истолковываются по Писанию, хранимому рядом с "Руководством по садоводству и огородничеству".

С избыточной для притчевого повествования точностью обозначено время историческое. Война с "германцем", революция, конец монархии, смена Временного правительства Советской властью - все вести приносятся в городок на солдатских шинелях и клеенчатых куртках, подобно тифозной вше. Емкие, лаконичные определения важнейших исторических моментов, характеристики героев как бы фокусируют в себе историю и одновременно апеллируют к знаковой семантике различных культур (дичающий сад дезертира

Кочетова, ставшего председателем Совета депутатов; "глотивший газы" контуженый Любимов, от воплей которого "пахнет смертушкой и сырым развороченным мясом"; вся предыстория террориста Накатова; юношеские порывы в академию отца Мартына с его трактатом о возгордившемся царе Сауле...).

Конкретно, в звуковых и зримых проявлениях представлено время "частное", в котором протекает повседневная жизнь городка, определяемая природно-календарными вехами. Все эти временные слои проступают один в другом, соизмеряясь, словно в бердяевской концепции, изложенной в статье "Время и бесконечность".

"Мед и кровь" нельзя прочитывать в одномерной социальной плоскости, хотя учет наиболее полной редакции позволят утверждать, что произведение явилось своеобразным откликом на десятилетие Октябрьской революции, но не памятником, "отлитым из бронзы", а плачем матерей по сыновьям, "захлебнувшимся молодецкой удалью".

Купюры, сделанные из цензурных соображений, связанные с попыткой смягчить облик председателя ЧК в его откровенно мистической сути. Но и в книжной редакции проявлены механизм властолюбия и психологические последствия насилия. Это страх, приводящий к оцепенению души, "подшибленной" угрозами; несвобода совести, ведущая к искажению истины; надвигающееся безумие, симптомы которого испытывают все представители новой власти.

Сходство рифмованных образов, воплощающих мужественное волевое начало, в их абсолютной инородности ритмам и укладу жизни городка. "Опасный внутренний разлад", эмоциональная несвобода ("сердце, зажатое в кулак", ибо "атаман своей ватаге - каторжный слуга"), отпадение от покаяния - все это проявлено не только в письмах предво-

дителя Лесных братьев и председателя ЧК, но и присутствует в невербальных способах передачи информации (волчье сходство лиц, хотя "дух в них разный и глаз разный"; нетерпеливая тяга к смерти как способу избавления от душевной усталости; поигрывание орудием убийства перед онемевшей от страха жертвой; высокомерный взгляд на людей с душой "травке в рост"; тоска по оставленному дому, дорога к которому "заросла навсегда").

Мед миролюбия подвергается испытанию сложностями жизни, вызывая в "истинном христианине" терапевте Долгове "решимость, похожую на отчаяние". "Судьба требует подвига, для которого нужен яд". В отличие от недоучившегося хирурга Накатова для Долгова сам факт нравственно-психологической коллизии (соблазн подвигом ради людей) явился ступенью к более прочному самосознанию и ответственности за верность христианским заповедям перед безликим набирающим силу злом.

После убийства продотрядовцев хлебом вместе с первой порошей, сошедшей с земли слезами, уходит с нее и радость бытия, сопутствовавшая любовному союзу земли и неба. Осталось "больное положение": отрезанность, несоединимость в идеальное взаимоуравновешивающее целое полярных качеств национальной души, когда мужественность стала бы добродетельной солнечностью, не выжигающей все на своем пути бегства от корней, а согревающей, защищающей от злых ветров, а женственность растворялась бы в материнской любви и "просветленном сознании семейной зависимости, прочно спаянной годами с тесной и чуткой дружбой".

Возрождение в повести-притче словесного и бытового слоя человеческого сознания, воспитанного на мифологемах прошлых веков, было для Н. Колоколова способом освобождения (собственного и читательского) психологиче-

ского пространства от энергийного воздействия социально-метафорического слова, творящего новые мифы с агрессив-но-разрушительным зарядом. В противовес тенденциозности литературы 20-х гг. сознание авторского "Я" в повести реализуется лишь в соотнесении с другими, чужими сознаниями персонажей. Пародируя сложившуюся языковую традицию революционных концептов, он вводит полулитературное, полуречевое слово с его установкой на чистоту эпического звучания. Повествование складывается из гибкой, подвижной взаимосвязи авторского и "чужого слова", здорового языкового чутья "горожан"-земледельцев, благодаря чему удалось выразить все, что выводит социальные переживания в пласт бесспорных и устоявших истин.

Когда же слово автора не преображено тем или иным героем, равно самому себе оно составляет главный материал красоты жизни, несущей в себе реальность, закреплённую в речевом обиходе. В колоколовском слове присутствует реализм национального взгляда (не советского и не книжно-традиционного и не на систему, а на жизнь, какой она должна быть в идеале, по мысли человека-земледельца). Эта чистота эпического тона составляет силу повествования.

В параграфе 2 «Творческие пересечения с А. М. Горьким» на материале художественного, эпистолярного и мемуарного наследия прослежены отношения коллег по журналу «Наши достижения», различия мифоромантического сознания, изображение идеологического террора в произведениях писателей. Рассматриваются взаимоотношения опального литератора с главным идеологом советской культуры 20-30-х годов. Источники исследования (письма, личные встречи, описанные современниками, художественные тексты, неопубликованные архивные материалы РГАЛИ, ИМЛИ, литературного музея ИвГУ, Ярославского и Ива-

новского архивов включены в «Материалы к «Летописи жизни и творчества Н. И. Колоколова».

Цель 2 параграфа состояла в том, чтобы выявить созвучие, вариативность мотивов и образов в творчестве А. М. Горького и его молодого коллеги по редакции журнала «Наши достижения». Сопоставление (даже поверхностное) двух литераторов, сформировавшихся в разных эпохах, позволило выявить противоречивый, отражающий несколько «Я» в самом авторе, внутренний мир А. М. Горького, мировоззрение которого хаотично и несистематизированно, — и цельность метафизики колоколовского художественного мира, хотя в прозе его представлено множество других «Его», не близких автору.

Оба писателя пришли в литературу романтиками. Но если А. М. Горький солидарен со своими героями в их мировосприятии, то Н. И. Колоколов иронизирует над неадекватностью дальнозорких честолюбцев, с «невидящими глазами» проходящих мимо конкретики бытовых ситуаций. Различная природа романтизма, питающаяся истоками детских впечатлений, проявляется прежде всего в разном отношении к родине.

У А. М. Горького, выросшего вне тесного эмоционального контакта с матерью, лишённого радости сельских будней, связанных с работой на земле, преобладает взгляд на нее как на хаотический мир, требующий переделки, усовершенствования, подчинения человеческому разуму.

Показательно иное место самовыражения лирического героя Н. И. Колоколова и его взгляда на объект поэтизации: не «вершина», поднимающаяся над природой, а срединное положение благодарного сына, соединяющего в любящем сердце материнское земное и отцовское небесное начала («Землю ласкаю шагами, / Ветер ласкает меня...»).

Поэтическая модель мира у Н. И. Колоколова связана с сельским укладом и музыкой жизни, а у А. М. Горького — с городской цивилизацией будущего.

Н. И. Колоколов в стихах и рассказах дает возможность поэтического переживания ежедневного радостного согласия человека с природой («Мирошкин день», «Поединок на доске», «Ручеек», «Радужный пояс», «Весенний дух»).

А. М. Горький ставит человека выше «куска земли», годного в качестве строительного материала для претворения мечты «Человеком».

Оба писателя в одно время пришли к поэтике экзистенциализма, которая окончательно оформится в литературе к 40-м годам («Рассказы 1922-1924 гг.» А. М. Горького, сборник рассказов Н. И. Колоколова «Полчаса холода и тьмы» 1922 г.) В этих книгах отражено пессимистическое мироощущение авторов, осмысливших проблемы «абсурдности» бытия, одиночества человека в мире, трудности или невозможности контакта между людьми.

Разными путями оба художника в рассказах 1922-1924 г.г. и повестях, создававшихся в 1925-1927 гг., констатируют, что после того как развенчаны традиционные источники авторитета, в погоне множественности за максимумом свободы и автономии индивида, личным делом каждого стали страх и экзистенциальная неопределенность. Положение индивида в мире случайного существования и негарантированного смысла, в условиях разобщающей вражды идет на открытом пространстве интерпретаций и трансформаций.

В условиях вытеснения многозначного живого слова одномерно-политической семантикой Н. Колоколов на лексическом уровне восстанавливает забытые корневые связи, прорастающие из «зерна», согретого вниманием художника.

Только при учете этимологических связей прочитываются названия его произведений во всей их концептуальной полисемантике («Полчаса холода и тьмы», «Студенецкая быль», «Нетово нашествие», «Соблазн», «Иосиф Прекрасный», «Иовые корабли», «Трое и четвертый», «Оттепель», «Повелитель»). Проецируя мифологемные архетипы на бег текущего дня, писатель убеждается в неотменимой закономерности развития природы и общества: всякое живое существо, вопреки своему эгоизму, неодолимой силой влечется и тяготеет к другому, и только в связи со всем находит свой смысл и свою истину. (В. Соловьев).

Текст «Мед и кровь» анализируется с учетом фрагментов, изъятых из 2-й книжной редакции повести, опубликованных в литературном приложении «К «Рабочему краю». Это позволило выявить более четкие концептуальные контуры, размытые в книжной редакции из-за купюр, сделанных по цензурным соображениям.

Анализ двух главных книг писателей «Жизнь Клима Самгина» и «Мед и кровь» позволяет предположить, что возражая Колоколову как публицист или просто уклоняясь от проблем, предлагаемых для обсуждения в устных диалогах, А. М. Горький сердцем художника тянулся к столь же честному взгляду на российскую действительность, что и у более молодого писателя. Созданные в одно время, с 1925 по 1927гг. первая часть повести «Жизнь Клима Самгина» и «Мед и кровь», показывали греховность человеческого разума, возможность разрушительной роли идеи в судьбах человека и целого общества.

В этих повестях (а у Н. Колоколова на протяжении всего творчества) проходят проверку самой жизнью и разум, и мысль, и целые идеологические системы с точки зрения того, что они несут человеку, чем могут обернуться, становясь «материальной силой», определяя настроение,

судьбы отдельных людей и человеческого сообщества в целом.

То что А.М.Горький до конца дней работал над «Жизнью Клима Самгина», а Н. И. Колоколов после выхода «Мед и кровь» написал еще в 1932 году повесть «Иосиф Прекрасный», читал Е.Ф. Вихреву главу «Погоня мертвых» из повести «Спрут в городе», послал А. М. Горькому повесть о спивающемся писателе Зорине, позволяет предположить, что оба литератора так и не освободились от пессимистического мироощущения.

Актуальность проблемы идеологического террора, показанного в 20-е годы прошлого века литераторами-оппонентами, в XXI веке все более возрастает.

В параграфе 3 «Созвучия повести Н. Колоколова с произведениями 20-х гг. других авторов» текстовые сопоставления «Повести непогашенной луны» Б. Пильняка с повестями Н. Колоколова позволяют сделать вывод, что власть преступного сообщества над обществом, коллизия машинного движения и природной эволюции, бесправие как членов сообщества, так и членов общества перед тотальным произволом, виртуальность мира, создаваемого искусством, - все это в повести «Полчаса холода и тьмы» Н. Колоколовым угадано на 4 года раньше Б. Пильняка. Социальная прогностика в «Повести непогашенной луны» содержит типологическую общность с провидческими метафорами Н. Колоколова.

Десакрализация стереотипов, категория пустоты, игровое отношение к слову, времени, пространству, появившиеся в творчестве Н. Колоколова, станут определяющими признаками постмодернистского художественного сознания в литературе конца XX в.

Обобщенным результатом диссертационного сочинения является положение о том, что исследование уровней

художественно-мифологического осмысления исторического материала в творчестве Н. Колоколова позволяет вписать его наследие в контекст различных сфер художественного сознания эпохи в стремлении возродить мифомышление, что определяет взаимоотношения его в границах мифопоэтической культурной парадигмы с явлениями отечественной культуры и дает возможность говорить о едином культурном пространстве, в рамках которого развивалась русская поэзия и проза первой трети XX в.

Генетически восходя к архаическим моделям сознания, творчество Н. Колоколова в то же время концентрирует мифологические «переживания» разных исторических эпох. На этой основе и формируется социально-философская и этическая проблематика его художественного мира, специфика которого без этого основополагающего пласта не может быть освоена. При этом мифопоэтическая образность является не только культурным символом поэзии Н. Колоколова, но и свойством его прозы, ее порождающим началом.

Собранные и систематизированные в Приложении «Материалы к «Летописи жизни и творчества. Н. И. Колоколова» позволяют более глубоко представить процессы, характерные для русского поэтического сознания первой трети XX века, находящегося на перекрестке многих культур, оказавшегося прогнозирующей моделью для истории, поставившего личность в систему онтологических координат - от архаики до современного мировидения - и тем самым определившего ключевые принципы мифологического освоения действительности в литературе XX века.

Основные положения отражены в следующих публикациях:

1. Против течения. Письма супругов Колоколовых Семеновским // Будни. 1993. Июль. № 28, с.8-9.
2. Человек и мир в романе Н.Колоколова «Мед и кровь» // ИвГУ - региональный центр науки, культуры и образования. Сб. тезисов докладов научн. конф. Иваново. 1994. С. 10-11.
3. А. М. Горький глазами Н. И. Колоколова (Из эпистолярных материалов) // Творчество писателя и литературный процесс. Язык литературы. Поэтика. Межвуз. сб. научн. трудов. Иваново, 1995, С.155-160.
4. Авенир Ноздрин о Николае Колоколове (По страницам дневников 1924-1927 гг.) // Фольклор и литература Ивановского края. Статьи, материалы, публикации. Вып. 1. Иваново, 1994. С. 125-135.
5. Н. Колоколов. Оттепель. Рассказ. [Вступл. и публ.] // Откровение. Лит.-худ. альм. Вып. 2. Иваново. 1995. С. 277-305.
6. Н. Колоколов. Предрассудок. Рассказ. [Вступл. и публ.] // Откровение. Вып. 4. Иваново. 1997. С. 151-164.
7. Жанр рассказа в творчестве писателей группы «Перевал» (1924-1937) // Жизнь и судьба малых жанров. Матер. межвуз. конф. Иваново, 1996. С. 202-210.
8. Арестованный смех (из материалов рукописного журнала «Пустослов» 1926-1930 гг.) // «Серебряный век». Потаенная литература. Межвуз. сб. научн. трудов. Иваново, 1997. С. 219-232.
9. Следствие по делу «Пустослова» (к истории одного рукописного журнала) // Волга, 1997. № 5-6. С. 207-212. Статья написана в соавторстве с Л. Н. Тагановым.
10. Христианский подтекст в романе Н. Колоколова «Мед и кровь» // Перекресток-3. Научно-худ. альм. По онтологии

словесности, культурологической герменевтике и истории литер.: Иваново-Шуя. 2000. С. 86-93. Статья написана в соавторстве с Т. А. Гайдамак, О. Г. Кобзевой.

11. Редакции романа Н. И. Колоколова «Мед и кровь» (на материале последних трех глав) // Потаенная литература. Исследования и материалы. Вып. 2. Иваново, 2000, С. 288-299.
12. Рецензии на произведения Н. И. Колоколова в издательстве «Федерация» // Потаенная литература. Приложение к Вып. 2. Иваново, 2000, С. 67-74.
13. 7 материалов, хранящихся в архивных фондах ИМЛИ, РГАЛИ, ГАИО, ГАЯО, ГАВО, подготовленные к публикации, - в Internet на сайте:
<http://www.ivanovo.ac/ru/win1251/fac-phil/chairs.htm/#html>.
14. Н. И. Колоколов в воспоминаниях родственников / Публ. И. Синохиной, Т. Гайдамак // Ивановская газета. 2000. 30 июня. С. 3.
15. Две радиопередачи, посвящ. 105-летию со дня рождения Н. Колоколова // «Ива-радио». 4.04.02. С 19.00 до 19.30; «Маяк». 9.04.02. С 11.30 до 12.00.